

ВОСТОК В РОССИИ

ИЗ ИСТОРИИ КАРАИМСКОЙ ДИАСПОРЫ В МОСКВЕ
В XIX–XX ВВ.

© 1999

С.С. МИХАЙЛОВ

Одной из самых малочисленных и малоисследованных, но в то же самое время и одной из самых деятельных московских диаспор является караимская. Караимы – небольшой тюркский народ, исторической родиной которого является Крым, возводящий свое происхождение к населению Хазарского каганата, исповедовавшего иудаизм. Караимы исповедуют особый толк иудаизма, в основу которого положен только Ветхий Завет. Это учение было основано в VIII в. месопотамским евреем Ананом-бен-Давидом и испытало некоторое влияние христианства и ислама. Так, к примеру, караимы почитают за великих пророков Иисуса и Мохаммада.

В самом конце XIV в. часть крымских караимов (примерно около 400 семейств) вместе с небольшой ордой татар была уведена литовским князем Витовтом в Литву с целью последующего использования в военном деле. Они были поселены преимущественно в Тракае. Чуть позже часть их была также переселена в Польшу, Галицию и на Волынь. Так было положено начало существованию небольших групп западных караимов – трокской (тракайской) и галицко-луцкой.

Караймам Москвы посвящено очень мало публикаций как в дореволюционное, так и в последующее время. В основном это небольшие заметки из выходившего в 1911–1912 гг. в Москве на русском языке журнала "Караимская жизнь". О занятиях московских караимов, их заведениях и их расселении кое-какую информацию дают справочники "Вся Москва", выходившие до 1917 г. Немного материалов можно найти и в московских архивах. Автор, в частности, обнаружил переписку о попытке выселения караимской *кенасы* (караимского молельного дома) из арендуемого помещения в конце 1924 г. в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО)¹, два дела о неудачной попытке регистрации в 1923–1924 гг. двух караимских культурно-просветительских организаций в Центральном муниципальном архиве Москвы (ЦМАМ)². Много интересной информации удалось получить от некоторых московских караимов-старожилов, помнящих жизнь общины в советское время, начиная с 1920-х годов, а также знающих кое-что из дооктябрьского периода по рассказам своих родителей.

Караимская община в Москве начала формироваться с конца 1850-х гг., после того как во время Крымской войны часть зажиточных караимов эвакуировалась с полуострова и начала расселяться по внутренним губерниям Российской империи. Однако есть данные о посещении Москвы караимами еще до этого времени: например, отец известного караимского общественного деятеля И.И. Казаса торговал в Москве фруктами³. Случай же поселения караимов на постоянное местожительство в Москве неизвестен. Согласно сведениям, опубликованным в "Караимской жизни", в самом конце 1850-х годов в Москву прибыли караимские табачные предприниматели Абрам Зурина,

Самуил Габай, а также известный харьковский капиталист Абрам Капон⁴. Прибыли они с целью организации своего табачного дела. Вскоре А. Капон вернулся в Харьков, и во главе дела остался один С. Габай, который стал привлекать в Москву из Крыма караимскую молодежь на различные должности на своем предприятии. Часть приехавших оседала в Москве, часть возвращалась назад, причем некоторые из них делали это из религиозных соображений, "так как находили, что жизнь в Москве недостаточно соответствует ритуальным требованиям"⁵. Фабрика, основанная С. Габаем, существует до сих пор и известна как фабрика "Ява".

По данным "Караимской жизни", в 1863 г. на фабрику Габая поступили братья С.И. и М.И. Чадуковы, в 1867 г. – Илья Давидович Пигит, основавший впоследствии также существующую донине фабрику "Дукат", в 1869 г. – И.В. Танагоз, в 1877 г. – Абрам Ильич Катык, которому впоследствии принадлежало одно из крупнейших предприятий по производству гильз для папирос. На фабрику поступило в 1860–70-х годах много других лиц, также основавших в скором времени в Москве свои дела. В конце 1860-х годов караим Болек открыл в Москве еще одну табачную фабрику. Его доверенным был И.М. Кокизов, к которому фабрика перешла после смерти Болека, просуществовав до смерти самого Кокизова в 1878 г.⁶ Миграция караимов в Москву носила исключительно экономический характер. Каждый приезжавший в город караим находил поддержку на первых порах у своих, уже обустроившихся, соплеменников.

Помимо крымских караимов в конце прошлого столетия в Москве начинают обосновываться их трокские соплеменники из Литвы. Последних было значительно меньше, они были менее активны экономически и занимались большей частью мелким бизнесом. По словам старожилов, еще в начале XX столетия в Москве литовские и крымские караимы, несмотря на единое этническое самосознание, членство в одной общине и активное общее участие в ее делах, продолжали держаться особняком. Литовских караимов иногда в шутку дразнили "огуречниками" из-за традиционного занятия овощеводством в Литве, крымских же – "баранами" вследствие их любви к баранине. По рассказам одной из московских старожилок – Т.С. Бабаджан (в девичестве – Ельяшевич), 1917 г.р., еще в 1920–30-х гг. у литовских караимов в Москве был свой *газзан* (раввин). Однако эти различия в общем особо не влияли на взаимоотношения караимов различных групп, и расколов и трений в общине по этому признаку не было.

В конце 1860-х гг. в Москве жило всего 15–20 караимов, активно посещавших молитвенные собрания. Через десять лет их было уже не менее тридцати. Перепись населения Российской империи 1897 г. выявила в городе 332 караимов, а согласно данным "Караимской жизни" за 1911 г. – около 500 человек⁷. Помимо самой Москвы, есть данные о пребывании караимов и в Московской губернии. Согласно опубликованной в 1-м выпуске "Караимской жизни" таблице о числе рождений, браков и смертей караимского населения за 1910 г. по Таврическому караимскому *гахамству* (епархии), упоминается один случай брака на станции Химки близ Москвы⁸. В числе откликов на смерть известного караимского общественного деятеля И.И. Казаса за 1912 г. имеется и отклик С. Казаса из Богородска⁹.

Компактного "караимского" района в Москве не было. Семьи караимов были разбросаны по центру Москвы, от Остоженки и Волхонки до Сретенки. Отдельные семьи жили в районе Немецкой слободы, Воронцовской улицы и в других частях города. Небольшая колония из нескольких семей, работавших на фабрике "Дукат" И.Д. Пигита, жила в Чухлинском переулке, рядом с фабрикой. Кстати, Пигиту обязан своим построением дом № 10 по Большой Садовой улице, в котором впоследствии жил Михаил Булгаков и куда он поместил события своего знаменитого произведения.

Главным занятием московских караимов, как уже отмечалось, было табачное дело. Об успехах крошечной караимской диаспоры прекрасно свидетельствует информация

в разделе "Табак" в адресно-справочной книге "Вся Москва" за любой год в конце прошлого – начале нынешнего столетия. Караимов легко определить по характерным для этого этноса тюркским фамилиям: Габай, Пигит, Асаба, Балджи, Майтоп, Ерак, Ормели и др.¹⁰ Караимам принадлежали как крупные фабрики типа уже упомянутых "Явы", "Дуката", "Гильзы Катыка" (имеются в виду папиросные гильзы), так и мелкие табачные лавки, а также некоторые вспомогательные производства типа коробочных фабрик Б.И. Катлама и И. Скамони. В других сферах активность караимов была гораздо слабее. Им принадлежали отдельные скоропечатни и типолитографии (И.С. Фуки), парикмахерские (Л.С. Сапак и С.Ф. Эль), один меднолитейный завод (Э.С. Борю) и некоторые другие торговые и промышленные заведения¹¹. Экономические успехи при такой незначительной численности московских караимов можно объяснить как их сильной активностью, так и сплоченностью, стремлением при достижении успеха помочь и соплеменнику.

В 1906 г. в Москве было организовано "Общество вспомоществования бедным караимам", оказывавшее материальную поддержку соплеменникам, попавшим в затруднительное положение, а также вновь прибывшим в столицу. Его членами состояли многие видные московские караимы. Ввиду того что с конца прошлого столетия во многих учебных заведениях Москвы обучалось немало студентов-караимов, существовала студенческая касса, средства в которую собирались на ежегодно устраиваемых студенческих вечерах. Впоследствии эта касса была преобразована в официальное "Общество вспомоществования учащимся-караимам в высших учебных заведениях Москвы"¹². Многие московские караимские предприниматели жертвовали значительные суммы денег на стипендии молодым соплеменникам-студентам. Жертвовали они также и на приданое бедным караимским невестам.

Примерно в то же время, что и "Общество вспомоществования бедным караимам" было организовано "Караимское благотворительное взаимно-вспомогательное общество в Москве". Его организаторами были представители караимской молодежи, которые поставили его целью не только благотворительность и взаимопомощь, но и задачи национально-культурного возрождения. Эта организация встретила непонимание со стороны актива московской общины, увидевшего в его организации попытку устройства второй московской общины-прихода, и она, просуществовав несколько лет, была вынуждена закрыться¹³.

Согласно данным "Караимской жизни", первые религиозные собрания происходили с конца 60-х гг. в доме уже упоминавшегося табакозаводчика И.М. Кокизова. На них собиралось всего по 15–20 человек, живших в Москве. Первыми молитвенными собраниями руководил Авраамака Зурна¹⁴. После этого обязанности *габая* (старосты) общины выполнял в течение восьми лет С.Д. Пигит, которого сменил сам Кокизов. Ему также ставят в заслугу и хлопоты по устройству в Москве караимского кладбища, для которого община приобрела за Дорогомиловской заставой участок земли при существовавшем с 1788 г. Еврейском кладбище. Впоследствии караимское кладбище выделилось в самостоятельное. "Караимская жизнь" отмечает, не указывая на год, что первым погребенным на нем был Бераха Бота. После смерти Кокизова в 1878 г. должность московского *габая* перешла к обосновавшемуся в Москве в начале 1870-х гг. С.Ю. Бобовичу, у которого, как отмечается, часто возникали конфликты с некоторыми членами общества на почве желания каждого устроить кенасу в своем доме. Дело доходило до того, что многие видные караимы собирали своих близких и устраивали для них моления у себя. Разладу положил конец С.И. Чадуков, взявший на себя безвозмездно обязанности духовника в начале 1880-х гг. с целью объединить общество. Он вместе с Бобовичем нашел помещение для ежесубботних молитв, чем было положено начало существованию московской кенасы в квартире № 15 в доме 19 по Большой Никитской улице (в советское время – улица Герцена). Бобович пробыл *габаем* около 15 лет, после чего в 1893 г. на этот пост был избран Чадуков. Тогда же

был прикуплен еще один участок земли для караимского кладбища. В 1903 г. на должность газзана московской общины был приглашен М.С. Бейм, сын известного караимского ученого Соломона Бейма, умерший в 1911 г.¹⁵ После его смерти обязанности газзана исполнял Д.И. Топал, и обществом обсуждался вопрос, приглашать ли специального газзана или же временно пользоваться услугами сведущих в вопросах веры членов общины, на чем и остановились. Необходимые требы согласились исполнять трое компетентных в данных вопросах караимов, в том числе и известный московский эрби (учитель) Саадья Ельяшевич¹⁶.

1 мая 1911 г. Москву посетил национальный и религиозный лидер крымских караимов, Таврический и Одесский гахам С.М. Пампулов¹⁷. Он пробыл в городе всего один день и после встречи с активом московской общины и почетного обеда на квартире тогда еще исполнявшего свои обязанности газзана М.С. Бейма отбыл назад в Крым.

В 1911 г. среди московских караимов возникло движение за постройку в городе новой кенасы вместо существующей, ютившейся в небольшой квартире. Ввиду постоянного роста караимской общины потребность в ней ощущалась с каждым годом все сильнее. Планировалось, купив участок земли, построить на нем само здание кенасы и помещения для собраний *джамата* (совета), школы и приезжающих, своего рода "караимское подворье". Для воплощения этой цели был создан комитет¹⁸, но до 1917 г. сделать что-либо московские караимы в этом направлении не успели.

В конце 1924 г., по ходатайству жилтоварищества дома № 19 по улице Герцена, была предпринята попытка выселения кенасы из занимаемого помещения. Взамен караимской общине предполагалось выделить помещение торгового типа в районе Арбата, Остоженки или Дорогомилловской заставы¹⁹. Однако это не устраивало общину с канонической точки зрения, так как у всех предлагаемых помещений имелся второй этаж, помещавшийся над предполагаемым молельным залом, занимаемый другими организациями. По рассказам московских старожиллов-караимов, кенаса в доме на Герцена просуществовала до 1928 г., когда была закрыта окончательно. Взамен уже не было предложено ничего. С этого момента религиозная жизнь московской караимской общины перемещается в дома некоторых ее наиболее активных членов. Регулярные молитвенные собрания происходили в доме Шишмана, проживавшего в Большом Афанасьевском переулке. Время от времени малочисленные (ввиду маленького помещения) моления устраивал у себя в доме на Пречистенке известный и уважаемый московский караимский активист, носивший титул эрби, Саадья Семенович Ельяшевич, у которого собирались преимущественно литовские караимы. В остальное время он ходил к Шишману, где часто руководил молитвой. Небольшие группы караимов, в основном родственников, собирались по субботам и в других домах. Обряды выполняли те, кто их знал. Соблюдались и обряды на свадьбах, похоронах и т.п. Еще оставшиеся в те годы в Москве караимские газзаны также продолжали выполнять свои функции. Это были бывший главный газзан московской кенасы Арон Ильич Катык и литовский газзан Абрам Семенович Новицкий. По рассказам некоторых старожиллов, упоминается и газзан по фамилии Шакай.

Особо строгими в вере были литовские караимы. Среди крымских процент верующих был также значителен, особенно среди старшего поколения, но их среда была подвержена внешним влияниям. В основном, если были верующими старшие члены семьи, то в ней поддерживались и сохранялись религия и традиции. С уходом этого поколения, уже в 1940-х годах, приверженность религии падала. Мне рассказывали случаи, когда в послевоенные годы для совершения обряда обрезания караимы обращались к еврейским раввинам, что прежде считалось недопустимым.

В 1948 г. Москву посетил последний караимский гахам С.М. Шапша, приехавший из Литвы со старшим газзаном С. Фирковичем. Они встретились с караимским активом, некоторыми видными московскими востоковедами, но практически никто из ста-

рожилов не смог вспомнить хотя бы один случай совершения ими караимского богослужения. Этот приезд носил исключительно деловой характер.

Во второй половине 1930-х гг. вместе с соседними православным и Еврейским, было ликвидировано и караимское кладбище за Дорогомиловской заставой. Часть захоронений родственники успели перенести на новое Востряковское кладбище и к крематорию возле Донского монастыря. Возле последнего некоторые новые захоронения совершались и позже. В 1940 г. умер первый после закрытия кладбища караим. Им, волею судеб, оказался уже упоминавшийся выше московский эрби С.С. Ельяшевич. В силу сложившихся обстоятельств он был погребен на татарском кладбище, которое после этого и стало последним пристанищем многих московских караимов.

Самыми ревностными хранителями национальных и религиозных традиций в Москве, как уже отмечалось, были литовские караимы. Это можно объяснить тем, что последние были небольшой замкнутой группой, менее вовлеченной в экономическую и общественную деятельность как в московской общине, так и в местах традиционного проживания, сохранившей замкнутый, консервативный дух, тогда как караимы Крыма, в силу своего экономического и политического положения, уже во второй половине XIX в. стали испытывать сильное влияние русской и европейской культур.

Литовские караимы даже в 1920–30-е гг. старались поддерживать связь с родственниками в Литве. До и после второй мировой войны были случаи возвращения туда московских караимов, имевших литовские корни. Крымские караимы также поддерживали тесные связи с родственниками в Крыму и других городах СССР.

В советское время московские караимы пытались создать официально зарегистрированные культурно-просветительские общества, но безуспешно. В Центральном муниципальном архиве г. Москвы хранятся два небольших дела о двух таких попытках. В первом случае группа караимской молодежи, преимущественно студентов, пыталась зарегистрировать Московскую караимскую общину в начале 1923 г.²⁰ Эта организация, несмотря на ее название, ничего не имела общего с существовавшей тогда караимской религиозной общиной, а должна была носить исключительно светский характер. Она должна была, по мысли создателей, представлять из себя "союз караимов, объединенных общностью языка, культурным, бытовым и историко-этнографическим укладом жизни". Помимо культурно-просветительской деятельности община должна была также заниматься и этнографическими исследованиями. На рубеже 1924–1925 гг. также пыталось зарегистрироваться Московское караимское культурно-просветительное общество²¹. Эта организация, в инициативную группу которой входили многие известные представители тогдашней московской караимской интеллигенции, также должна была вести культурно-просветительскую работу среди караимов Москвы и окрестностей. В обоих случаях Моссовет отказал в регистрации ввиду того, что цели общества выходили за пределы их компетенции, несмотря на то, что в те годы свободно регистрировались другие подобные национальные организации, цели и уставы которых были аналогичны представленным караимскими инициативными группами.

После 1917 г. зажиточные московские караимы потеряли все то, чем владели. Часть их была вынуждена эмигрировать. В 1920–30-е гг. в Москву наблюдался значительный приток караимского населения, преимущественно из южных губерний и Крыма. Это были и лица, направляемые в столицу на партийную и советскую работу с семьями, а также беженцы, спасавшиеся от частых в те годы голодовок. В 1921 г. один из московских караимов, А.И. Лопатто, даже отправил в Крым для голодающих соплеменников вагон продуктов и 10 тыс. рублей золотом. В 1930-е годы многие молодые караимы приезжали в Москву учиться в вузы, и многие из них впоследствии оседали в Москве. Численность московских караимов в 1930-х годах, за счет притока из Крыма, достигает своей наивысшей точки: по некоторым оценочным данным, до 800

человек. После этого, вследствие репрессий, войн, низкой рождаемости, смешанных браков, в результате которых дети брали другую национальность, численность караимов в Москве постоянно сокращается. По роду занятий в советское время московские караимы представляли из себя преимущественно служащих, техническую интеллигенцию, медицинских работников. Караимом по отцу был и известный советский кинорежиссер Сергей Юткевич.

На протяжении практически всех лет этнические связи внутри московской общины поддерживались на уровне родственников и знакомых. Более широкое объединение началось в 1970-х годах, когда на квартире дочери известного в прошлые годы московского эрби С.С. Ельяшевича, Т.С. Бабаджан, начал регулярно собираться небольшой актив, где-то около двадцати человек, для обсуждения караимских вопросов. В 1989 г. была зарегистрирована Московская ассоциация караимов "ИЛК", целью которой стало национально-культурное возрождение караимского этноса и которая начала проводить регулярные собрания московских караимов. При участии Ассоциации были организованы поездка московской караимской молодежи в 1991 г. в Польшу, где также проживают караимы, участие молодых караимов в археологических раскопках в "орлином гнезде караимства" – Чуфут-Кале, в Крыму, в 1992 г. Однако, в силу ряда причин, Ассоциация впоследствии раскололась.

Согласно последней переписи 1989 г., по Московскому горсовету зафиксировано 283 караима, в том числе только 17 человек, считающих родным язык своей национальности²². По данным актива московской общины, с этого времени по 1996 г. ушло из жизни около пятидесяти московских караимов, преимущественно представителей старшего поколения. Было сыграно три внутриэтнических свадьбы и родились три ребенка. Практически у всех представителей молодежи, с кем мне пришлось общаться, ориентация на внутриэтнические браки отсутствует. Среди них также сложно найти чистокровных караимов, многие относящие себя к караимам имеют в своих жилах только четверть караимской крови. Представления о своем народе и его истории у большинства весьма отрывочное. О языке и религии не имеет представления почти никто. Многие, причем даже люди среднего возраста, считают себя христианами. В последние годы стали устраиваться немногочисленные собрания на некоторые праздники, в основном на Пурим и Пасху, но они носят характер обычных посиделок с чаепитием и лишены необходимой специфики, за исключением разве что приготовления к празднику некоторых блюд. Лиц, являющихся караимами по религии, найти крайне сложно, а знающих и соблюдающих все обрядовые тонкости – практически невозможно. Несмотря на определенные усилия караимских активистов и интеллигенции по возрождению своего народа и его культуры, сделать это уже практически невозможно, и через два-три поколения караимская диаспора в Москве наверняка перестанет существовать. Надеяться на какой-либо приток извне, видимо, не приходится, так как другие общины, в том числе и в местах традиционного проживания, немногочисленны и постепенно ассимилируются окружающим населением.

История московской караимской общины, несмотря на относительную молодость и крайнюю малочисленность, является довольно интересной, яркой и малоисследованной страницей в истории Москвы многонациональной, а также почти уникальным фактом достижения значительных экономических, общественных и культурных успехов диаспоры, численность которой составляла всего несколько сотен человек.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО), ф. 66, оп. 1, д. 714, п. 1–6.

² Центральный муниципальный архив Москвы (далее – ЦМАМ), ф. 1215, оп. 1, д. 244; оп. 2, д. 37.

³ Караимская жизнь, Кн. 8–9. М., 1912, с. 7.

⁴ Краткий исторический очерк московской общины. – Караимская жизнь. Кн. 7, 1911, с. 119.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 119–121.

⁸ Караимская жизнь. Кн. 1, 1911, с. 39.

⁹ Там же. Кн. 8–9, с. 98.

¹⁰ Вся Москва. М., 1916, с. 659–661.

¹¹ Там же, с. 138, 148, 217, 410, 500, 503, 598, 612, 757.

¹² Караимская жизнь. Кн. 1, с. 121–123.

¹³ Там же. Кн. 2, 1911, с. 94.

¹⁴ Краткий исторический очерк..., с. 119.

¹⁵ Там же, с. 120.

¹⁶ Караимская жизнь. Кн. 2, с. 87.

¹⁷ Там же. Кн. 1, с. 121.

¹⁸ Там же. Кн. 7, с. 125.

¹⁹ ЦГАМО, ф. 66, оп. 1, д. 714.

²⁰ ЦМАМ, ф. 1215, оп. 1, д. 244.

²¹ Там же, оп. 2, д. 37.

²² Распределение населения СССР по национальности и родному языку. Московский горсовет. М., 1989.